

УДК 32(4–672ЕС); 327:312

Конеев Ф.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье рассматриваются основные дезинтеграционные тенденции в политике современного Европейского союза, дан анализ научных изысканий по данной проблематике. Автор делает вывод, что основными вызовами, с которыми столкнулся Европейский союз в XXI в., стали институциональный и финансовый кризисы, а также кризис политики мультикультурализма. В статье раскрываются проблемы, связанные с мультикультурной политикой в Европейском союзе, а также освещается процесс развития современного евроскептицизма.

Ключевые слова: Европейский союз, дезинтеграция, мультикультурализм, евроскептицизм, институциональный кризис.

F. Koneev

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

DISINTEGRATIONAL TENDENCIES IN POLITICS OF THE MODERN EUROPEAN UNION

Abstract. The paper highlights main disintegrational trends in the politics of the modern European Union. The analysis of scientific researches on this matter is provided. In author's opinion, the major challenges that the European Union faces in the XXI century have become the institutional and financial crises, as well as the crisis of multiculturalism. The paper reveals the problems associated with multicultural policies in the European Union, as well as the development of modern Euroscepticism.

Key words: the European Union, disintegration, multiculturalism, Euroscepticism, institutional crisis.

Интеграционные процессы в европейской политике XXI в. происходят в рамках двух основных направлений. Первое из них – модернизация и усиление наднациональных институтов, созданных внутри Евросоюза на предыдущих этапах интеграции. Второе направление – постепенное расширение границ Европейского союза как важнейшего геополитического актора путём присоединения стран «новой Европы».

Несомненно, ключевая цель европейского интеграционного проекта во второй половине XX в. – не допустить новой большой войны в регионе. В ходе непосредственно самой интеграции эта масштабная цель дополнялась новыми измерениями, благодаря которым и возникла современная конфигурация Евросоюза, самого успешного в мире примера политической интеграции. Тем не менее, с развитием ЕС внутренние различия и разногласия между странами-участницами неизбежно нарастали, что проявилось в виде двух масштабных кризисов, начавшихся в первом десятилетии XXI в. и поставивших существование Евросоюза в известном нам виде под угрозу. Этими вызовами стали институциональный кризис и иммиграционный кризис, связанные в том числе с провалом политики мультикультурализма, которая была избрана европейскими странами как общая норма отношения к национальным и религиозным меньшинствам из неевропейских стран. Важно отметить также, что генезис и развитие этих кризисов проходили во время и под влиянием общемирового финансово-экономического кризиса второй половины 2010-х гг.

Цель данной статьи – проанализировать основные дезинтеграционные тенденции в политике современного Европейского союза, **задачи** – исследовать институциональный кризис внутри ЕС, выявить предпосылки иммиграционного кризиса, а также определить роль евроскептицизма как «продукта» этих кризисов в современной политической идеологии практике.

Одним из серьёзнейших испытаний для самой конфигурации ЕС стал институциональный кризис, который в той или иной мере проявляется и по сей день. Суть проблемы заключается в том, что Евросоюз изначально был задуман и сформирован как объединение стран на основе не только высокого уровня экономического развития, но и систем социокультурных и политических ценностей. Этот фактор обуславливал то, что на протяжении долгого времени консенсусный путь принятия политических решений внутри союзных структур был довольно эффективен. В тот же период, когда произошло расширение союза на юг и восток, участницами ЕС стали страны, ценностное и историко-культурное наследие которых не совпадало с западноевропейским. Это различие и привело к тому, что процесс принятия политических решений Евросоюзом стал слишком долгим и слишком сложным. Ситуация усугублялась и тем, что зачастую в силу собственных геополитических или иных интересов страны «новой Европы» принципиально блокировали или саботировали принятие важных для всего Европейского союза решений.

Проект Восточного партнёрства стал ярчайшим примером внешнеполитических и идеологических противоречий между блоками стран «новой»

и «старой» Европы. Проект был впервые представлен МИД Польши при поддержке Швеции в 2008 г. и закреплён принятой в 2009 г. «Декларацией о Восточном партнёрстве». Целью проекта являлось увеличение политического и экономического взаимодействия Евросоюза с постсоветскими странами (Украиной, Белоруссией, Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдавией) без непосредственного включения их в ЕС. Позиции по данному проекту значительно различались как среди стран-участниц, так и среди основных институтов союза. Основные противоречия были связаны: 1) с возможностью вступления стран Восточного партнёрства в ЕС, которая, несмотря на поддержку некоторых стран-участниц, для остальных казалась неприемлемой; 2) с местом России в системе отношений со странами Восточного партнёрства; 3) с конкуренцией за поддержку институтами ЕС, на которую в первую очередь рассчитывали страны Восточной и Южной Европы [9].

В.И. Якунин считает, что проект Восточного партнёрства подчеркнул рост гетерогенности политических интересов внутри Евросоюза. В то время как для ряда стран «новой Европы» (Польши, ставшей автором проекта, а также Чехии и государств Прибалтики, приоритетом для которых является противодействие усилению влияния России в регионе) проект был крайне важен, западноевропейские страны отнеслись к Восточному партнёрству довольно сдержанно, а страны Средиземноморья вовсе не желали поддерживать проект, чтобы не допустить смены акцентов в политике Евросоюза и не потерять поддержки со стороны наднациональных институтов [5, с. 14–19]. Пример Восточного партнёрства демонстрирует, что Европейский союз в современном виде не может принимать комплексные решения в области внешней политики. Роль союза как самостоятельного геополитического актора пока ещё невелика именно по причине гетерогенности состава участников, существенных различий между политическими интересами разных блоков.

Другой, менее очевидной предпосылкой институционального кризиса ЕС стала «недемократичность» процессов, которые происходят внутри наднациональных институтов. Единственный политический институт Евросоюза, состав которого избирается путём всенародного голосования, – это Европейский парламент (ЕП). При том, что *de iure* ЕП обладает очень широким спектром полномочий, *de facto* властные полномочия принадлежат Европейской комиссии (ЕК), которая исполняет, по сути, функции правительства Европейского союза. Недовольство граждан европейских стран вызывает тот факт, что они не могут принимать участие в политическом процессе в той же мере, как и на уровне национальных государств. В этой связи институты ЕС воспринимаются как некая абстрактная «брюссельская бюрократия», подконтрольная только самой себе, а не как реальные представительные наднациональные органы власти [2, с. 20–22].

Однако не только проблемы внутри самого ЕС и не только институциональные и экономические вызовы приводят к росту влияния и увеличению популярности евроскептиков у избирателей. Одной из сложнейших проблем, решение которой Евросоюз пытается найти на протяжении нескольких десятилетий, является миграция из неевропейских и западных стран. Этот процесс, в свою очередь, порождает рост популярности идей национализма и право-радикальных партий, являющихся трансляторами этих идей.

Проблема миграции, которая за последнее десятилетие стала одной из ключевых для ЕС, имеет давнюю историю. Сегодня в не-западных странах существует большой спектр причин, которые вынуждают иммигрантов уехать из родного государства (существенная часть иммигрантов является именно политическими беженцами, жертвами региональных конфликтов и т. п.). Так, отдельные страны Европы, например, Норвегия, прибегают к столь решительным мерам, как тотальное закрытие границы для иммигрантов. Однако пример Норвегии, не входящей в ЕС, для большей части государств союза неприменим как в силу дипломатических и экономических соглашений, так и в связи с политико-культурными ценностями, на которых основывается объединённая Европа.

Иммиграционный кризис является ещё одним фактором, демонстрирующим серьёзные противоречия, существующие между государствами-участниками ЕС. Несмотря на тот факт, что идея объединённой Европы и соответствующие международные договоры предполагают коллективное решение проблем, связанных с нелегальной миграцией, культурно-ценностные и политические различия стран «новой» и «старой» Европы становятся всё более очевидными, особенно в контексте самоидентификации и дихотомии «свои – чужие». Именно в силу этих различий единая иммиграционная политика ЕС уже долгое время не может быть выработана.

На данный момент уровень развития интеграции в политическом и социокультурном планах позволил достичь того состояния, при котором гражданин государства ЕС больше не является иностранцем в странах единого европейского пространства. Тем не менее именно исчезновение внутриевропейских границ обозначило, что необходимо выработать единую политику относительно проблем иммиграции, включающую в себя визовую политику, решение комплекса проблем, вызывающих нелегальную иммиграцию, а также всё более актуализирующегося вопроса противостояния терроризму и наркотрафику. Логично предположить, что следующим шагом должны стать более комплексная стратегия создания общих нормативов социальной политики по отношению к иммигрантам, а также решение вопроса об их социополитической интеграции в принимающее общество.

За десятилетия существования проблемы европейскими политиками были испробованы различные методы её урегулирования: *французская модель* ассимиляции, подразумевающая полное принятие культуры принимающей страны иммигрантами, *немецкая модель* гастарбайтерства, построенная в расчёте на то, что иммигранты будут покидать страну, достигнув определённого уровня финансового благополучия. Однако до недавнего времени наибольшую жизнеспособность и актуальность продемонстрировала политика *мультикультурализма*.

Термин «мультикультурализм» в современном значении характеристики государственной политики, уважающей культурное многообразие и принимающей мигрантов, начинает использоваться в 1970-х гг. в Канаде, Великобритании и Нидерландах. Существует множество подходов к определению и описанию этого явления, однако в самом широком смысле мультикультурная модель предполагает интеграцию культур без их ассимиляции. Основными идеологами современного мультикультурализма в Европе выступали Т. Модуд [10], основатель британского Центра исследования этничности и гражданства, а также политолог и член палаты лордов Б.К. Парех [7]. Первыми из европейских государств мультикультурную политику приняли Швеция и Нидерланды, затем их примеру последовало большинство западноевропейских стран – таким образом, проводником мультикультурной идеологии выступали сами правительства стран ЕС.

Политика мультикультурализма основывается на трёх ключевых принципах:

- 1) государство должно признавать культурный плюрализм как важнейшую характеристику гражданского общества;
- 2) препятствия, затрудняющие социализацию маргинальных культурных групп, должны быть устранены;
- 3) воспроизводство и развитие разных культур внутри страны должно поддерживаться на государственном уровне.

Европейская политика мультикультурализма являлась долгосрочной стратегией, а не комплексом отдельных мер. Во всех странах, принявших мультикультурализм, разрабатывались педагогические, культурные, социальные и экономические программы для большего вовлечения иммигрантов в жизнь принявшей их европейской страны при сохранении их национальной идентичности [8]. Но она провалилась.

Серьёзность и актуальность проблем, связанных с иммиграцией, объясняется тем, что уровень рождаемости среди «коренного» населения стран Европы крайне невысок, в результате чего именно дети мигрантов обеспечивают значительный прирост населения в странах ЕС. В силу этого граждане европейских стран опасаются «нашествия не танков и армий, а

мигрантов, разговаривающих на другом языке, молящихся другим богам, принадлежащих к другой культуре, которые, по опасениям европейцев, могут отобрать у них работу, оккупировать их землю, потратить все деньги соцобеспечения и угрожать самому образу жизни Европы» [12, р. 2]. Основой этих опасений является тот самый относительный демографический спад, и, по мнению С. Хоффмана, они «основываются на опыте реальных столкновений культур и порождаются обеспокоенностью за европейское самосознание» [11, р. 30].

Начало второго десятилетия XXI в. было ознаменовано волной критики по отношению к мультикультурной политике европейских государств, и если раньше подобные заявления исходили лишь из уст ультраправых националистов, то в начале второго десятилетия с критикой мультикультурализма выступили лидеры ведущих стран Евросоюза: Франции, Германии и Великобритании.

В то время как секуляризация к XXI в. стала одним из ключевых принципов организации общественной и политической жизни в Европе, в мусульманских странах ислам остаётся движущей социально-политической силой, способной регламентировать все сферы жизни с помощью «религиозной воли социума». Именно мультикультурному проекту, основанному на принципе толерантности к другим культурам, было суждено показать, что традиционные мусульманские и современные европейские ценности практически несовместимы. Толерантность жителей Европы, особенно после опыта Второй мировой войны, заканчивается там, где происходит отрицание ценностей прав человека и индивидуальной свободы. Мусульманские общины же демонстрируют неспособность примириться с такими явлениями западной культуры, как женская эмансипация и однополые браки, причём демонстрируют эту нетерпимость не только новоприбывшие иммигранты, но и уже давно живущие на территории ЕС. Подводя итог, можно отметить, что античное и средневековое разделение «свои – чужие», «Европа – Азия» за последние несколько десятилетий вновь стало крайне актуальным в политическом дискурсе Европы [6].

По мнению исследователей, глобализация и стремительное развитие информационных технологий диктуют необходимость пересмотра стратегии миграционной политики. И ограничительная политика, и политика ассимиляции, и даже, как показала современная политическая практика, политика мультикультурализма на протяжении десятилетий демонстрируют свою неэффективность, поскольку борются лишь со следствиями, а не с причинами миграции. Единственной стратегией, которая может привести к успеху в долгосрочной перспективе, являются последовательные инвестиции в экономику беднейших стран в целях сокращения разрыва в

экономическом развитии между странами Запада и странами – «поставщиками мигрантов» [1].

В области политической идеологии основным «продуктом» двух этих кризисов стало явление, которое в 10-х гг. XXI в. в политологии всё чаще описывается как «евроскептицизм». Евроскептицизм является обобщённым понятием для всех идей антиинтеграционного толка. Схожие понятия, такие как «евросклероз» и «европессимизм», активно использовались для обозначения анти-интеграционных настроений в конце XX в., в то время как евроскептицизм – это явление XXI в., когда европейская интеграция – уже свершившийся факт. Евроскептицизм – это своего рода отклик отдельных слоёв общества на стремительное развитие интеграции. Сегодня евроскептицизм нельзя назвать идеологией в классическом понимании этого слова, это явление пока находится в процессе формирования, и евроскептиками себя называют представители политических групп, находящихся порой на разных концах политического спектра. По большому счёту евроскептицизм – это реакция наиболее консервативных социальных групп на вызовы регионального и глобального масштаба, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с процессами европейской интеграции и глобализации.

Сегодня исследователями выделяются типы евроскептицизма «мягкого» (призывающего к комплексным реформам, но признающего существование единой Европы как образования) и «жёсткого» (не признающего существования современного Евросоюза, единой валюты, общего рынка) [3]. Партии евроскептиков также разделяются политологами на «идеологические» (евроскептицизм в них является основой политической программы – например, Партия независимости Соединённого Королевства) и «стратегические» (в которых евроскептицизм является одной из стратегий привлечения электората – например, итальянское «Движение пяти звёзд») [4].

В силу спорадического характера евроскептицизма и его несформированности как самостоятельной идеологии, большая часть евроскептиков скорее относится к «стратегическому» и «мягкому» типам.

ВЫВОДЫ

В 10-х гг. XXI в. противовесом идее единой Европы активнее становится националистская риторика, оказывающая всё большее влияние на современную европейскую политику. Национализм служит одной из основ евроскептицизма – формирующейся идеологии непринятия интеграции. Современный евроскептицизм является порождением скорее политической практики и ещё не сформирован как полноценная идеология. Его идеи представляют собой реакцию на попытки расширения европейской интеграции в те сферы

социальной жизни, в которых интеграционные настроения традиционно не имеют ценностно-идеологической основы. Событиями последних лет, ускорившими рост влияния националистических, а, следовательно, и евроскептических идей, стал и институциональный кризис, из-за которого всё большее число жителей ЕС испытывает недоверие к «брюссельской бюрократии», а также крах европейской миграционной и социальной политики, основанной на идеях мультикультурализма. На наш взгляд, в области политической идеологии евроскептицизм представляет большой интерес для исследователей, так как в ближайшее время именно он будет выступать основным препятствием в развитии европейской интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.
2. Никонов В.А. Европейская интеграция и движение к единой Европе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk/49_2015.htm (дата обращения: 18.03.2017).
3. Узародов И.М. Евроскептицизм после кризиса [Электронный ресурс] // Современная Европа. 2015. № 1 (61): [сайт]. URL: <http://www.sov-europe.ru/2015-1.htm> (дата обращения: 10.03.2017).
4. Шибкова М.О. Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4 (25). С. 13–24.
5. Якунин В.И. Россия и Европа: опорные точки для ведения диалога // Свободная мысль. 2016. № 5 (1659). С. 5–22.
6. Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam, and the West. London: Allen Lane, 2009. 432 p.
7. Parekh B.C. Rethinking multiculturalism: cultural diversity and political theory. Harvard: Harvard University Press, 2002. 379 p.
8. Bloemraad I. The Debate Over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy [Электронный ресурс] // Migration Information Source: [сайт]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy> (дата обращения: 18.03.2017).
9. Gromadzki G. The Eastern Partnership after five years: Time for deep rethinking [Электронный ресурс]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536438/EXPO_STU\(2015\)536438_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536438/EXPO_STU(2015)536438_EN.pdf) (дата обращения: 15.03.2017).
10. Modood T. Multiculturalism: a civic idea. Cambridge: Polity, 2007. 193 p.
11. Hoffmann S. The Case for Leadership // Foreign Policy. 1991. № 81. P. 26–35.
12. Weiner M. The Global Migration Crisis. New York: Harper Collins, 1995. 253 p.

REFERENCES

1. Shakleina T.A., Baikov A.A., eds. [Megatrendy: Osnovnye traektorii jevoljucii mirovogo porjadka v XXI veke]. Moscow, Aspect Press Publ., 2013. 448 p.

2. Nikonov V.A. [European integration and movement towards a United Europe]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyĭ vestnik* [Public management: E-Bulletin], 2015, no. 49. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk/49_2015.htm (accessed: 18.03.2017).

3. Uznarodov I.M. [Eurosepticism after the crisis]. In: *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2015, no. 1 (61). Available at: <http://www.sov-europe.ru/2015-1.htm> (accessed: 10.03.2017).

4. Shibkova M.O. [Ideological and strategic Eurosepticism in the political life of the European Union]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Policy], 2016, iss. 7, no. 4 (25), pp. 13–24.

5. Yakunin V.I. [Russia and Europe: reference points for the dialogue]. In: *Svobodnaya mys'l'* [Free thought], 2016, no. 5 (1659), pp. 5–22.

6. Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West. London, Allen Lane, 2009. 432 p.

7. Parekh B.C. Rethinking multiculturalism: cultural diversity and political theory. Harvard, Harvard University Press, 2002. 379 p.

8. Bloemraad I. The Debate Over Multiculturalism: Philosophy, Politics, and Policy. In: *Migration Information Source*. Available at: <http://www.migrationpolicy.org/article/debate-over-multiculturalism-philosophy-politics-and-policy> (accessed: 18.03.2017).

9. Gromadzki G. The Eastern Partnership after five years: Time for deep rethinking. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536438/EXPO_STU\(2015536438_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536438/EXPO_STU(2015536438_EN.pdf) (accessed: 15.03.2017).

10. Modood T. Multiculturalism: a civic idea. Cambridge, Polity, 2007. 193 p.

11. Hoffmann S. The Case for Leadership. In: *Foreign Policy*, 1991, no. 81, pp. 26–35.

12. Weiner M. The Global Migration Crisis. New York, Harper Collins, 1995. 253 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Конеев Филипп Владиславович – соискатель кафедры политического анализа Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: philipp_k@list.ru

Philipp V. Koneev – postgraduate student at the Department of Political analysis, Lomonosov Moscow State University; e-mail: philipp_k@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Конеев Ф.В. Дезинтеграционные тенденции в политике современного Европейского союза // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Koneev P.V. Desintegrational tendencies in politics of the modern European Union. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru